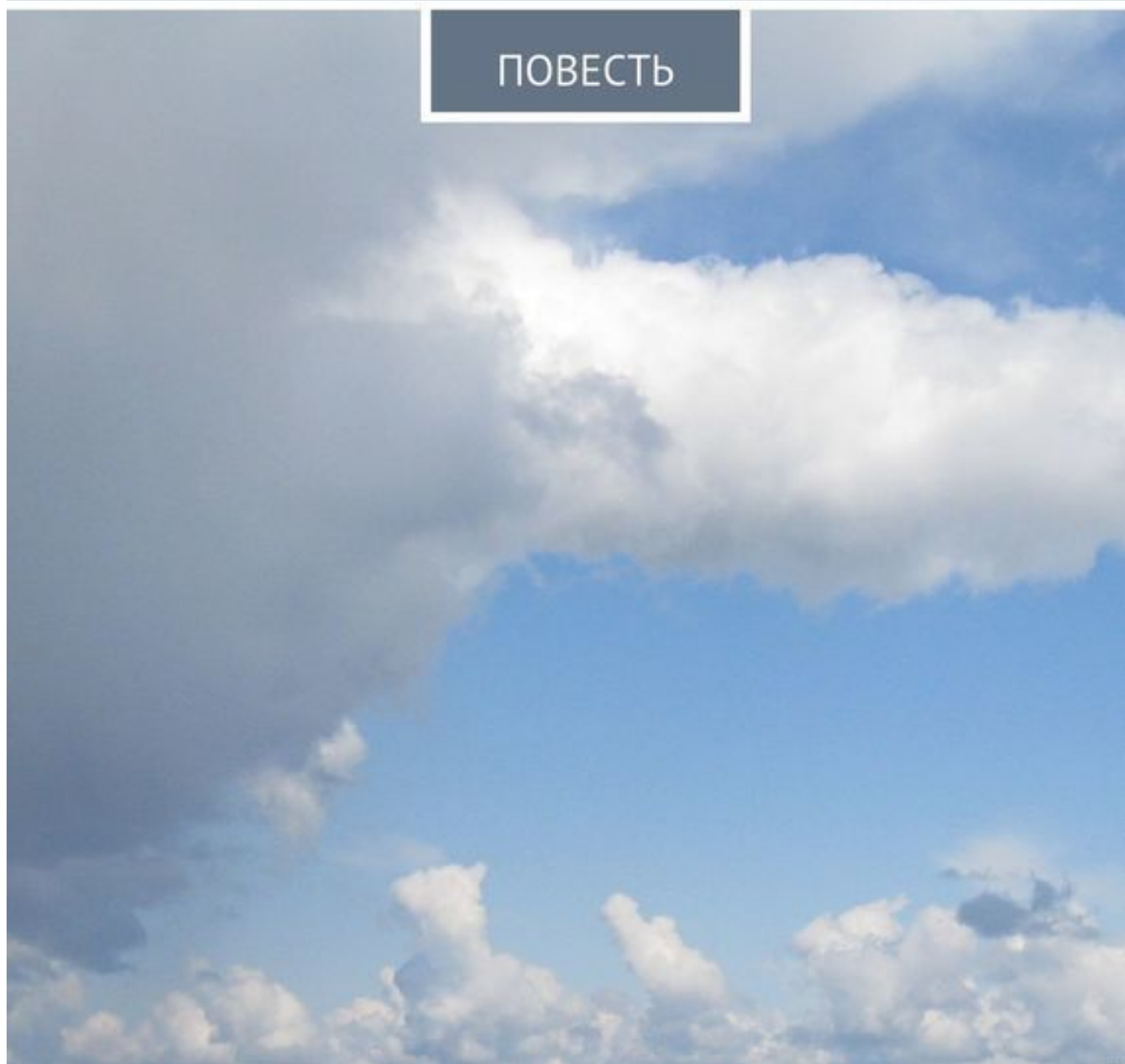

ОЛЬГА ТРУШКОВА

Исчадие ада

ПОВЕСТЬ

Ольга Трушкова

Исчадие ада

«Издательские решения»

Трушкова О.

Исчадие ада / О. Трушкова — «Издательские решения»,

В леспромхозовском посёлке с красивым названием Радужный кипят нешуточные страсти. Приехавшую туда Лену Чумакову, воспитывавшуюся в детском доме, за её прямолинейность и неприятие всякого рода лжи и непорядочности жители окрестили Чумой и Исчадием ада. А вот родившаяся здесь и здесь же выросшая Катерина считалась эталоном целомудрия и олицетворением всех высоконравственных категорий. Кто же есть кто? Это станет ясно после прочтения повести.

Содержание

Пролог	6
Исчадие ада	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Исчадие ада
Повесть
Ольга Трушкова

© Ольга Трушкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Вольготно раскинулся среди сибирской тайги посёлок с красивым названием Радужный. Добротные дома со всеми их постройками и пристройками разбрелись, кому куда вздумается, не признавая классической архитектуры и уважая только переулки. Одна Центральная улица не позволила строениям самовольничать и расположила их в строгом соответствии плану застройки.

А живёт в Радужном славное, могучее племя лесорубов со всеми чадами и домочадцами. Дружно живёт, иначе нельзя, тайга разночтений книги жизни – ой, как! – не любит. Не любит она и воровства, поэтому пришлого, коль недобрым он окажется, не принимает. Вот и не знают замков двери домов, и всегда они настежь распахнуты доброму человеку.

Наверняка, кто-то скажет, что, мол, читал он о крепких запорах на не менее крепких высоких воротах в сибирских селениях. Так когда это было? В давние времена, когда «бежал

бродяга с Сахалина». А в семидесятые двадцатого века всё это осталось только в былинных рассказах да в старых поселениях. Не найдёте вы в Радужном ни бревенчатых двухметровых заборов, ни крепких запоров – тесовыми досками межуются подворья, калитки же запираются обыкновенным крючком и такие низкие, что перемахнуть через них даже ребёнку ничего не стоит.

Всякое бывает среди людей: и ссорятся они, и мирятся, кто-то уезжает в поисках лучшей доли, кто-то приезжает.

А невидимый фотограф бродит по таким вот глухим леспромхозовским посёлкам, чтобы высветить яркой вспышкой своего аппарата перекрёстки судеб простых людей, отделённых непроходимой тайгой от всех благ цивилизации, и запечатлеть на плёнке памяти. Зачем? Затем, чтобы, глядя на эти снимки, молодёжь узнала, как и чем жило поколение их отцов и дедов, а отцы и деды вспомнили свою молодость.

Исчадие ада

Повесть

Глава 1

*Как часто люди делают изгоем того, кто говорит правду в глаза.
А зря! Ведь такой человек никогда не ударит в спину.*

За какие такие великие прегрешения наказал их Господь Бог этим исчадием ада, никто из жителей Радужного не знал; единственная информация свидетельствовала, что Лена Чумакова воспитывалась в детском доме и приехала к глухой бабке Иванишихе, своей дальней родственнице. А может, и вовсе не родственница та бабка была, потому что о вылившейся на её голову седьмой воде на киселе тоже ничего не ведала. Но Лене одинокая старушка была рада, и зажили они ладно да дружно.

Угловатая девушка-подросток, резкая в движениях, оценках и суждениях, непримиримая, неуступчивая всякому роду несправедливости, Лена резала правду-матку в глаза всем, невзирая на чины и лица, за что и сыскала славу первой поселковой скандалистки. А потом кто-то сократил её фамилию, и стала Лена Чумакова Ленкой-чумой.

Красотой девушка похвастаться не могла, но и дурнушкой её назвать язык не повернётся. В общем, таких девушек много, однако большие карие глаза да открытая улыбка заставляли многих парней желать её. Только вот не всегда желаемое совпадает с действительным, и отторгнутые поклонники начали бахвалиться друг перед другом придуманными победами. Особенно изощрялся в подробностях Петя Губинин. Ну, для посёлка это в порядке вещей, странно было другое – острая на язычок и быстрая на расправу Лена не устраивала разборок и даже не пыталась доказать обратного, а только посмеивалась: «Сплетни – пища для деревни, и пока я живу здесь, деревня с голоду не вымрет».

Не раз заведующая столовой, где Лена работала поваром, возмущённо выговаривала ей:
– Почему молчишь? Подойди и врежь в харю этому мерзавцу! Ты же можешь!
– Могу, – соглашалась девушка и тут же добавляла:
– Но не буду. Я сделаю по-другому. Надо только подходящий момент выбрать.
Слово своё девушка сдержала.

В прокуренной раскомандировочной, где водители лесовозов получали путёвки, стоял хохот – Петя в очередной раз расхваливал Ленины сексуальные достоинства, и никто не замечал давно уже стоявшую в дверях саму героиню сюжета. Дослушав до конца байку о себе, она подошла к парню, нежно улыбнулась ему и выдала буквально следующее:

– Петя, что я в постели хороша, об этом уже весь посёлок знает. Но почему ты скромно помалкиваешь о других моих выдающихся качествах? О моём долготерпении, например? Припомни-ка, дружок, сколько мне пришлось ждать, пока ты в своих штанах что-то нашёл? А как долго мне пришлось ждать, чтобы это «что-то» ещё и заработало? Увы, не дождалась. Механизм-то оказался бракованным...

Ещё раз улыбнувшись оторопевшему Пете, на этот раз сочувственно, Лена ласково потрепала его по щеке и вышла из кабинета.

Гробовая тишина взорвалась громовым хохотом.

Только Толя Ильиных не смеялся – он неожиданно для себя под хохот мужиков влюбился в эту странную, такую не похожую на других отчаянную девчонку.

После такого срама Петя обходил Лену стороной. Притихли и все остальные, ранее девушку «имевшие». Более того, они молили Бога, чтобы посёлок поскорее и навсегда забыл об их фантазиях. А женщины, матери взрослых сыновей, в их числе находилась и своенравная Ильиниха, при скандалах желали друг другу иметь Лену невесткой, что было пострашнее любого проклятия.

Время шло, а Толя, разбитной и отчаянный, способный на самые невероятные поступки, первый поселковый задира и хулиган, всё не решался подойти к Лене. При встречах с ней к нему незнамо откуда приходила робость и сковывала все движения. Это не было боязнью её острого языка, это было что-то другое. Сколько раз, собираясь в клуб, парень клятвенно уверял себя, что уж сегодня-то он непременно пригласит девушку на танец! Но танцы заканчивались одним и тем же: Толя провожал Лену до ветхой хатёнки старой Иванихи, прячась за углами домов и соблюдая приличную дистанцию. Никто, кроме Егора Вершкова, его лучшего друга, не знал об этой странной любви.

В ту памятную субботу под звуки медленного танго, с замирающим сердцем, но с целеустремлённым взглядом, Толя решительным шагом направился к Лене и... пригласил стоявшую рядом с ней Таню Ветрову. А потом опять шёл за Леной тёмной пустынной улицей. Но на этот раз сама девушка сломала ритуал провожания.

Когда влюблённый паренёк потерял бдительность и до неприличия сократил между ними расстояние, она резко обернулась и пригвоздила его окриком:

– А ну, стоять, где стоишь!

Толя остановился, прятаться было поздно.

– А теперь – ко мне!

Он, не смея поднять глаз и сгорая от стыда, подошёл и остановился в двух шагах от Лены.

– Оторви свои зенки от земли и скажи, как долго ты будешь позорить и себя, и меня? Сколько ещё собираешься прятаться по подворотням?

Толя молчал.

Девушка взяла его за руку, и они пошли рядом. В противоположную сторону от дома, где жила старая Иваниха.

Буйствовала весна. Дурманила своим запахом цветущая черёмуха. Расцвела и любовь в сердцах Толи и Лены.

Любовь всегда подкарауливает нас там, где её совсем не ждёшь. Их она накрыла в прокуренной раскомандировочной.

Ильиниха, громыхая плошками-ложками-поварёшками, готовила стол к ужину.

– Чегой-то не в духе сегодня наша мать, – произнёс вошедший в кухню Илья Кузьмич и обратился к жене: – Что стряслось-то?

– Будешь тут в духе, когда в собственном доме такое творится, – пробурчала та, разливая по чашкам густой наваристый борщ.

– Мадам, прошу уточнения, что именно творится в нашем доме? – пошутил Илья Кузьмич и хлопнул жену по мягкому месту.

Лучше бы ему этого не делать! Ильиниха замахнулась на него черпаком и заорала:

– Тебя, старый чёрт, только твои карбюраторы с радиаторами интересуют, только вывозка да план! А молва, которая про нас по посёлку гуляет, это тебе, глухая тетеря, как до задницы дверца!

Илья Кузьмич пожал плечами и недовольно поморщился. Мало ли чего бабы наплетут, на то они и бабы. Неужели он, мужик, должен знать все поселковые пересуды, да ещё и пере-

живать по поводу их содержания? Но, на всякий случай, больше для того, чтобы успокоить свою разъярённую половину, попытался уточнить, какая из сплетен вывела её из привычного равновесия.

– А ты у своего любимого сыночка спроси, – съязвила Ильиниха и кивнула на Толю, который молча хлебал борщ.

Отец перевёл взгляд с неё на сына. Тот продолжал ужинать и делать вид, что перепалка между отцом и матерью его вовсе не касается.

– Анатолий, ты чего такого натворил, что мать так бесится? – строго спросил отец, но глаза его улыбались – причина необычного поведения жены лежала на поверхности.

– Ничего, – спокойно ответил Толя, взял кусок хлеба и потянулся за горчицей

Ответ сына, но больше всего его спокойствие взъярило мать, и она перешла на крик:

– Ничего?! А кто с Ленкой-чумой женихаться удумал?!

– Не женихаться, а дружить, – поправил мать оскорблённый некрасивым словом сын.

– Ага, сначала дружить, потом, когда у ей пузо вылезет, в дом к нам привести. Ты же у нас совестливый, женишься, даже если это пузо не от тебя будет!

Ильиниха подбоченилась и с вызовом посмотрела сначала на сына, затем на мужа.

– А ты чего молчишь, старый пень? Или тебе всё равно, что твой сын с этой шалавой связался?

– Лена не шалава! – тихо, но твёрдо произнёс Толя.

Он отодвинул от себя чашку с недоеденным борщом и встал из-за стола.

– Спасибо за ужин. Борщ у тебя, мама, сегодня, как никогда, удался.

Выходя из кухни, обернулся и с горечью выдохнул:

– Ладно, старухи ей кости перемывают, но чтобы и мои родные... Эх, вы!

В кухне повисло молчание. Илья Кузьмич поводит ложкой по чашке, встал и тоже направился к выходу.

– Ты тоже есть не будешь? – растерялась Ильиниха и попыталась шуткой исправить положение: – Голодовку мне что ль объявили?

Но муж шутки не принял.

– Ты, мать, помене баб слухай. А Ленку не трожь. Она девка правильная.

Однако Ильиниха совету мужа не вняла и продолжала пилить сына, только делала это уже после трапез. Ей и союзница сыскалась – старшая дочь Наталья. Толя большей частью отмалчивался. В дружной семье Ильиных началось великое противостояние.

Через месяц Лена засобиралась к Ильиным в гости, заявив, что пришла пора знакомиться с его родителями.

– Да ты же их и так знаешь? – удивился Толя.

Ещё бы Лене не знать матери своего избранника, которая при каждой встрече честит её самыми последними словами, да ещё и плюёт вслед! Ей-то, Лене, всё равно, она стерпит. А вот какво Толе отбивать атаки родной семьи? Конечно, он Лене об этом ничего не говорит, только догадаться-то труда не составляет.

И вот в один прекрасный день переступила Лена порог дома Ильиных. На её приветствие Ильиниха буркнула что-то не совсем членораздельное и даже, кажется, куда-то послала. Пропустив её слова мимо ушей, девушка присела на диван, лукаво поглядывая на стоящего истуканом растерянного Толю. Отец, улыбаясь в прокуренные усы, пробасил:

– Мать, ты что, не видишь – у нас гостя в доме? Наладь-ка стол по-быстрому да Наташку с мужиком ейным покличь. Посидим по-семейному.

Наталья, жившая через дорогу, пришла без приглашения. Она увидела Лену, когда та поднималась по ступенькам крыльца отчего дома, и поспешила на помощь матери – от этой Чумы можно чего угодно ожидать.

«Тяжёлая артиллерия в помощь матушке пожаловала, – наливаясь праведным гневом, подумал Толя. – Ну, уж нет! Приму оборону по всей линии фронта, но Ленку в обиду не дам! Хотя почему оборону? Да я разгромлю всех в пух и прах, если её хоть единым словом заденут!»

Лена посмотрела на него и всё поняла. Это с ней он робкий, а на самом деле – парень со взрывным характером, сама имела возможность в этом убедиться. Среди молодёжи взрываться – это ладно, это можно, а иной раз даже нужно. Но не в родном же доме? Надо исправлять положение.

– Наташка, помоги-ка матери стол накрыть, – приказал отец.

– Я помогу, – Лена встала с дивана и подошла к Ильинихе. – Ты, мама, только скажи, что надо делать.

Ильиниха онемела.

– Не рановато ли ты, голубушка, мою маму мамой называть стала? – ехидно пропела Наталья.

– Не рановато. Пусть привыкает, – спокойно ответила Лена.

Теперь онемела и Наталья.

Толя уже был готов пойти в атаку, но Лена улыбнулась ему и тем самым предотвратила взрыв. А потом она повернулась к Наталье и терпеливо разъяснила прописные истины:

– Она не только твоя мама, но и Толина, значит, и моя. Мы ведь скоро поженимся, правда, Толя?

Обрадованный Толя закивал головой. Он пока не мог сделать Лене официального предложения – ждал обещанной директором квартиры, да и отказа побаивался, а тут всё разрешилось само собой.

– А жить где будете? – пришла в себя Ильиниха.

– Как где? – удивилась девушка. – С вами, конечно. Кто-то из детей завсегда остаётся с родителями, чтобы ухаживать за ними, когда они станут старыми. Наташа живёт отдельно, значит, останется Толя, потому что больше некому.

Лена обвела всех своими огромными чистыми глазами и добавила:

– Но если вы против, то у моей бабушки поселимся. Она согласится.

– Да мы не против, – ответил отец. – Садись, дочка, матери Наташка поможет.

Всю дорогу от дома Ильиных до дома старой Иванихи Лена шла молча, на вопросы Толи отвечала односложно и явно недоволад.

– Ленка, что с тобой? Всё же было хорошо.

Девушка остановилась, повернулась к нему и прошептала:

– Толь, а я ведь сегодня первый раз в жизни сказала «мама»...

Она уткнулась лицом в его плечо и тихо заплакала.

А в это время в доме Ильиных обстановка опять начала накаляться.

– Да неужто, окромя этой Чумы, ему другой девки не нашлось? – причитала Ильиниха. – За какие грехи мне такое наказание?

– А ты в памяти поройся, глядишь, и отыщешь, – пряча улыбку в усах, посоветовал жене Илья Кузьмич и тут же стал серьёзным:

– Вот чего вы, бабы, на девчонку взъелись? Кому из вас она насолила-то?

– Грубая, кому хошь, нахамит. В общем, прошла и Крым, и Рим, весь посёлок только от одного её имени лихорадить начинает. Как такую оторву в наш дом брать? Да она же всех нас в бараний рог скрутит! – возмутилась Наталья.

Прищуренные глаза отца буквально пробуравили дочь и ничего хорошего не пообещали.

– Вообще-то, она не в ваш с Федькой дом войдёт, а в наш с матерью. Рим с Крымом прошла, говоришь? Так это ты брось, это ты при мне даже поминать не смей! Забыла, как про тебя грязную сплетню по посёлку пустили? Забыла, как тогда белугой ревела и грозилась руки на себя наложить, если имя твоё опять чистым не станет? Только у тебя защита была: мы с матерью, Анатолий, Федька. А Ленке чем защищать себя от разных сволочей, если не грубостью? Была бы мягкой да деликатной – слёзами бы давно на нет изошла.

– Ни одна уважающая себя девушка не ввалится так бесцеремонно в дом парня, с которым дружит, – Наталья стояла на своём.

– Да-да! А ещё и заявила, что собирается здесь поселиться! – поддержала её мать.

Отец укоризненно покачал головой.

– Вы бы, бабы, подумали своими куриными мозгами, каково было девчонке сегодня к нам прийти? Думаете, она надеялась, что мы её тут хлебом-солью встренем? А ведь пошла! Потому что любит нашего Анатолия, потому что мира нашему дому желает. Не хочет она, чтобы из-за неё мы ругались промеж собой да парня поедом ели, чем вы и занимаетесь почти месяц или того более. Сами посудите, другая на её месте просто увела бы его за собой, и плевать ей на всех нас с высокой колокольни! А Ленка вон как всё правильно рассудила про то, что не всегда мы с тобой, мать, при силе будем, что нам самим скоро догляд потребуется. Поэтому и жить с нами собирается, хотя прекрасно видит, что не очень-то её здесь ждут. Знает она, на что идёт, но идёт! Ты ей спасибо за то сказать должна, а не вопить тут всякие слова глупые. Она тебя матерью назвала. Слышишь? Матерью! Вот и будь ею для девчонки!

На Анатолия гляньте, дуры безмозглые! Вы раньше его таким счастливым видели? Нет. Так какого рожна душу ему травите? Разве мы с тобой, мать, не для того живём, чтобы у наших детей лица светились и глаза блестели?

– Наташа правильно про бараний рог сказала. Она же, поди, всем командовать тут возьмётся?

Ильиниха всё ещё по инерции сопротивлялась, но где-то в глубине души не могла не согласиться с правотой мужа.

Илья Кузьмич расхохотался:

– Так вот, оказывается, чего ты боишься! Боишься потерять свою командирскую должность! А ты не теряй, ты просто передай её невестке – и делу конец. Будя, накомандовалась! Пора и отдохнуть. Спиной своей, наконец, займётся, а то сколь уж лет на неё жалобишься, а до обследования дело не доходит.

– Кто же за хозяйством ходить будет, начни я по больницам ездить, – вздохнула Ильиниха.

– Вот видишь, как вовремя у нас невестка появилась?

– Да она, поди, и коровы-то в глаза не видела, доить не умеет, – сомнения всё ещё одолевали женщину, но это было уже что-то другое.

– Коровы не видела? Покажешь! Доить не умеет? Научишь! – твёрдо сказал Илья Кузьмич.

Он встал с дивана, потёр затёкшую поясницу.

– Всё, дискуссия окончена раз и навсегда! Все слышали? А я пойду в гараж, проверю кой-чего в своём КраЗе.

– Так у тебя же по скользящему графику завтра выходной, вот завтра и проверишь. Чего сегодня-то на ночь глядя туда переться.

– Завтра хочу вместо Анатолия в рейс пойти. Пусть они с Ленкой заявление в сельсовет отнесут, чтобы всё по-людски было.

– Сговорились! – ахнула жена.

– Пока нет, – улыбнулся муж. – Вот он вернётся со свиданки, тогда и сговоримся. Ладно, мать, мне пора. Надо ещё механика предупредить о замене. Ты тут не скучай без меня. А заскучаешь – в клуб на танцы сбегай.

Он подмигнул ей вышел из дому.

– Придумает же, «на танцы»... – проворчала она ему вслед и тоже улыбнулась.

Назавтра Толя пришёл в столовую, где Лена работала поваром, и они отправились в сельсовет подавать заявление.

Справлять свадьбу или обойтись семейным застольем? Мнения разделились, причём, поровну. Отец, зять и Толя требовали пиршества, а женщины настаивали на скромной вечеринке. И сколько ни уговаривала Лена своего будущего мужа отдать свой голос в пользу женской команды, какие веские аргументы ни приводила, тот оставался непреклонен. А когда уж и сама Ильиниха переметнулась в стан «противника», в этом вопросе поставили точку, потому что большинством голосов решили: свадьбе быть!

Наталья где-то по великому благу достала отрез белого атласа и на следующий день сама повела Лену к Дарье Вершковой, которая считалась великолепной белошвейкой. Туфли и фату в целях экономии приобрели в комиссионном магазине, а место покупки хранили в строжайшей тайне от жениха – тот настаивал, чтобы у его невесты всё было новое и по высшему разряду. В том же комиссионном и для Толи нашёлся костюм. Брали «на глаз», но с размером в самый раз угадали. Готовить блюда и пировать решили в столовой. Ильиниха даже помолодела в этой радостной суете.

И вот настал долгожданный день.

Почти весь посёлок собрался возле сельсовета, всем хотелось посмотреть, как будет выглядеть Ленка-чума в новом обличье.

Вышли новобрачные на крыльцо сельсовета, и ахнул народ – настоящая королева! Белое платье сшито так, что все достоинства ладной фигурки подчёркивает. (Постаралась Дарья, что и говорить.) Каштановые волосы, прежде всегда конским хвостом на затылке резинкой перетянутые, под фатой не умещаются и тяжёлыми локонами по плечам разлеглись. (Это уже Наталья работа.) Движения плавные, угловатости, как и не бывало. Глаза счастьем светятся. Вот что любовь с человеком сделать может! Наверное, не один парень пожалел в этот момент, что не разглядел этакую красоту в её повседневной одежде и что не ему Лена досталась. Но тут уж, как говорится, каждому – своё. Толя-то Золушку полюбил, не Королеву, в Королеву Золушку любовь превратила. Оказывается, такое не только в сказках случается.

Глава 2

Худо ли, ладно ли, прошло четыре года. В семье Ильиных уже подрастала Светка, любимица бабки и деда, но Лена оставалась такой же неукротимой поборницей за справедливость, такой же Ленкой-чумой для всех, нарушающих кодекс совести и чести. А уж стоять на страже семьи, так это ей, не иначе, как сам Господь Бог велел.

Но Лена пресекала на корню прелюбодеяния не потому, что это в Библии грехом названо, а потому, что от этого дети страдают. Если нет детей, она не вмешивалась – пожалуйста, прелюбодействуйте на здоровье!

Произошла эта история, когда Любовь Яковлевна, врач-терапевт, ушла в отпуск, а на её место прислали молодую фельдшерицу. Конечно, замена не эквивалентна, но это только на два месяца, да и фельдшерица, как утверждал главврач их больницы, была очень даже знающая. Она и впрямь оказалась толковым специалистом, посёлку пришлось ко двору, но случился у той молоденькой фельдшерицы роман с трелёвщиком Серёгой Кораблёвым. Рецензий местных сплетниц на тот роман пока не было, но подозрения, что он имеет место быть, уже появились. Всё бы ничего, да женат был Серёга.

Увидев как-то его беременную жену с заплаканными глазами, Лена прижала её к стенке и выяснила причину слёз. Поначалу, конечно, та не хотела говорить правды, стыдно, но потом всё рассказала. Разве могла пройти мимо такого безобразия Лена, тем более что Лида была не только её соседкой, но и лучшей подругой? Конечно, нет!

Улучив момент, когда Серёга направлялся в магазин, Лена подкинула трёхлетнюю Светку свекрови и догнала его. Пристроившись рядом, она завела разговор и между всем прочим сообщила, что есть, де, у неё знакомый ветеринар, который кастрирует паршивых кобелей в человеческом облике. Для чего? Для какой-то диссертации да ещё для того, чтобы эти паршивые кобели сирот не плодили.

Не надо Серёге ржать, Лене это не нравится!

Что? Трёп? Так он сам может проверить, трёп это или чистая правда. Лена с превеликим удовольствием порекомендует Серёгу своему знакомому ветеринару в качестве исходного материала. Бояться не надо, всё пройдёт на высшем уровне! Пол-литра водки для анестезии Лена, так уж и быть, сама купит. Ничего не поделаешь, наука требует материальных затрат. А ассистировать ветеринару на операции Лена фельдшерицу попросит. Вот прямо завтра с утра и попросит. А чего откладывать?

Какую фельдшерицу? Да ту самую, к которой кобель Серёга, то есть, «исходный материал», начал шастать, наплевав на жену и будущего ребёнка! Именно из-за таких серёг многие дети потом нередко в детском доме оказываются, как, например, она, Лена.

В общем, славу и Серёге, и фельдшерице-ассистентке Лена обеспечит. Но это ещё не всё. Лена постарается – Лена очень постарается! – устроить им обоим такую райскую жизнь, что мало не покажется! Это она может, Серёга знает!

Лида, конечно, своего ребёнка не бросит, она бросит подлого Серёгу. И правильно делает! Вот родит, сойдут с её лица коричневые пятна, и станет Лида ещё краше, чем была до беременности. После родов с женщинами завсегда так бывает, сама Лена тому доказательство. И мужик Лиде достойный сыщется, да не такой, который только для ветеринарных опытов годен, а настоящий! И не Серёгу, который по бабам шастает, а того – настоящего! – мужика сын с гордостью батей называть будет. Зачем сыну такой отец, который предал его ещё до рождения?

Ну, ладно, Лена всё сказала, а Серёга пусть теперь это проанализирует и сделает выводы. Конечно, про того ветеринара она всего-навсего своей заветной мечтой с ним поделилась, но всё остальное вполне реально.

Возвращаясь из магазина, Серёга вдруг вспомнил, какой жена была до беременности, и подумал, что вряд ли после родов она станет краше, чем в девках была. Краше ей стать просто невозможно, некуда краше быть-то. А когда представил, что муж Лиды не он, а кто-то другой, и что его сын чужого дядю батеи кличет, то от злости на того мужика чуть калитку не вынес, заходя в свою ограду.

И вообще, какой дьявол его, Серёгу, «налево» направил?
И вообще, какой дьявол его, Серёгу, «налево» направил?

Возле дверей кабинета терапевта, где в отсутствие врача вела приём та самая коварная фельдшерица, потенциальная разрушительница семьи Кораблёвых, сидели три старушки.

Возле дверей кабинета терапевта, где в отсутствие врача вела приём та самая коварная фельдшерица, потенциальная разрушительница семьи Кораблёвых, сидели три старушки.

– Бабулечки, вы меня не пропустите без очереди? Мне только выяснить тут кой-чего надо, это недолго, – обратилась к ним Лена.

Старушки согласно закивали головами.

Лена вошла в кабинет, вежливо поздоровалась и присела на стул. Фельдшерица оторвалась от бумаг, посмотрела на вошедшую, ответила на приветствие и произнесла привычное:

– Карточка есть?

– Конечно, есть, но она не понадобится. Мне нужно только мозги вправить.

Лена пристально рассматривала молоденькую медичку. Так, голос тусклый, глаза тоскливые. Ага! Значит, Серёги вчера у неё не было. Факт!

Фельдшерица с удивлением посмотрела на странную пациентку.

– Вправить мозги? А что у вас с мозгами?

– У меня? – удивилась в свою очередь Лена. – У меня всё в порядке. Это у тебя, милая, с ними проблема.

– Не у «тебя», а у «вас».

– Правильно, – согласилась Лена, – у вас. У тебя и у Серёги. Но его проблема, судя по твоему не очень-то счастливому виду, уже решена.

– По какому праву вы лезёте в мою личную жизнь? – возмутилась фельдшерица и повысила голос. – Немедленно покиньте кабинет!

– Да не вопи ты так, я же тебя не бью, – поморщилась Лена и уточнила: – Пока не бью.

Уточнить было просто необходимо – должен же человек знать, чем может закончиться их встреча, если он займёт неправильную позицию.

– Что вам от меня нужно? – сбавила тон фельдшерица.

– Вот с этого и начинала бы, а то развизжалась, как свинья, неделю не кормленная. В коридоре, между прочим, бабушки сидят, мигом разнесут по всей деревне, как я гулящую медичку пи..., извиняюсь, воспитывала. Оно нам надо?

Лена взяла со стола жгут и, помахивая им, со всей присущей ей деликатностью изложила цель своего визита, но хозяйка кабинета не поняла её благих намерений, поправила белую шапочку, едва держащуюся на пышных кудрях, и с вызовом уставилась на Лену

– А если у нас любовь?

– Я тебе ещё раз говорю, Серёга женат! – Лена продолжала терпеливо увещевать фельдшерицу, изо всех сил стараясь оставаться вежливой и говорить только приличные слова.

– Жена не стена...

Но закончить избитую фразу девушка не успела. Поправ абсолютные все нормы приличия, Лена почти вплотную приблизилась к её лицу своё, миг покрывшееся багровыми пятнами нешуточного гнева, и, потрясая жгутом, прошипела:

– Слышь, ты, курва в колпаке! Я тебе сейчас такую стену покажу, что ты не только забудешь Серёгино имя, но и как родную мать величать не сразу вспомнишь!

От неожиданности девушка резко отшатнулась и её шапочка слетела с пышных кудрей прямо Лене под ноги. Та её подняла, встряхнула и напялила фельдшерице на голову по самые уши.

Девушка с неподдельным страхом взирала на Лену, но женщина уже успокоилась и села на стул.

– Ладно, жену ты отодвинешь. А дитё куда денешь?

Гнева в её голосе уже не было, только укоризна.

– Какое дитё? У него нет детей...

– Пока нет. Но Лида скоро родит.

– Сергей мне ничего об этом не говорил, – растерялась фельдшерица.

– Вот видишь, значит, нет в его планах пункта на тебе жениться, иначе сказал бы. Такое не утаишь. Да и от алиментов куда бы он делся?

– А это правда? – недоверчиво покосилась на Лену фельдшерица.

– Что, правда? Планы Серёги или его ребёнок?

– И то, и другое.

– Про беременность Лиды ты у Николаевны, нашего гинеколога, можешь полюбопытствовать, только не советую – себя выдашь. Про вас в посёлке пока ещё толком никто не знает, только догадываются. А про планы тебе и так должно быть понятно – Серёга-то вчера не пришёл.

Лена подошла к девушке, поправила шапочку, выпустила из-под неё на лоб светлый завиток, полюбовалась своей работой и её миловидным личиком.

– Ты посмотри на себя, ведь такая симпатичная деваха! Зачем тебе конь под уздой, когда вокруг столько необузданных жеребцов гарцевать будет, только свисти?! А на чужом горе ты себе счастья всё равно не построишь.

Взглянула на часы.

– Ладно, пойду я. А ты, милая, подумай над тем, что я тебе сказала. Крепенько подумай! Но если надумаешь что-то неправильное, тогда я ещё наведаюсь.

Лена взялась за дверную ручку.

– Подождите, – окликнула её фельдшерица. – Вы, наверное, и есть Лена Чума?

– Она самая! – гордо произнесла Лена. – И ношу это звание, как орден Красного Знамени.

– Ой, простите, я думала это ваша фамилия, – смутилась девушка, – а прозвище – Змея подколодная.

– Ну, уж нет, – возмутилась Лена, – змеёй подколодной сроду не была, не в моём характере исподтишка кого-то жалить! Всегда в открытую... А на самом деле я Лена Ильиных.

– А я Люда.

– Вот и познакомились, – улыбнулась Лена, но тут же построжала. – Только ты всё же помни: семья – это святое, и рушить её никому не дозволено!

Вскоре Любовь Яковлевна, не использовав и половины дарованного государством отдыха, вышла на работу и фельдшерица уехала. Про то, что была такая история в Радужном, знают только те, кто к ней причастен был.

А через два месяца в посёлок приедет молодой терапевт, и начнётся новая история, в которой переплетутся и любовь, и подлость, и простые человеческие радости.

Глава 3

Ирина окончила медицинский институт, имела право на свободный диплом, но пользоваться этим не стала, а по распределению приехала в Радужный. Ей было всё равно, куда ехать. Леспромхоз, так леспромхоз. Сельская местность женщину с маленьким ребёнком устраивала даже больше: здесь дали временное жильё, пообещав со временем отдельную квартиру, и выделили вне очереди место в детском саду для Кирюши. Кто бы в городе предоставил всё это простому интерну?

Посёлок Ирине понравился, устроилась она довольно сносно, только вот никак не складывались отношения с Любовью Яковлевной, к которой её, молодого специалиста, прикрепили набираться опыта.

Любовь Яковлевна слыла среди населения очень знающим терапевтом, но человеком весьма сурового нрава и, вдобавок ко всему, была страшной грубиянкой. Однако первое по списку настолько перевешивало два остальных, что те казались блёклыми и почти ничего не значили.

С Ириной Любовь Яковлевна обходилась без церемоний, каждое неверное действие молодого врача вызывало в ней бурю эмоций. «И чему только вас нынче в институте обучают? Хотя дураков учи – не учи...» – это было самым деликатным комментарием на малейшую оплошность молодого специалиста.

От своей наставницы Ирина узнала, что интерны не только в Африке водятся, но и в их больнице; что, сколько волка ни корми, он всё равно давление быстро мерить не научится; что, оказывается, поставить такой диагноз, какой поставила стажёрка (кстати, совершенно правильный), даже их санитарка Верка сможет, и пусть Ирина Павловна за это не ждёт аплодисментов. Когда же Ирина нечаянно уронила градусник, то Любовь Яковлевна не только сразу определила, откуда у той растут руки, но и своим криком оповестила об этом всю больницу, присовокупив к оповещению три этажа ненормативной лексики. Градусник, к счастью, остался цел, но если бы он разбился...!

Присутствие Любви Яковлевны, казалось, сковывало не только все движения молодого специалиста, но и мыслительную деятельность, она всё больше и больше робела перед своей наставницей, теряла уверенность в себе и в своих знаниях. А когда Ирина совсем уж собралась поставить крест на врачебной практике и уехать, куда глаза глядят, в кабинет вошёл главврач Иван Степанович и сообщил, что три дня Ирина Павловна будет самостоятельно вести приём, поскольку Любовь Яковлевна отлучилась по неотложным делам.

– А я справлюсь? – растерялась Ирина.

– Любовь Яковлевна сказала, да.

– Она так сказала? Не может быть!

– Что, доняла вас своими придирками? Вы не первая и не последняя, – улыбнулся Иван Степанович. – Вам фамилия Язовицкая о чём-нибудь говорит?

– Конечно, Надежда Олеговна читала нам курс «Внутренних заболеваний».

Ирина не могла взять в толк, какое отношение имеет доцент Язовицкая к предмету разговора.

– Так вот, – объяснил Иван Степанович, – в своё время эта самая Надежда Олеговна каждый день горькими слезами умывалась в этом кабинете. Зато теперь к каждому празднику шлёт Любви Яковлевне поздравления. Лет двадцать шлёт, если не более. Так что если хотите стать настоящим врачом, то мой вам совет: терпите и учитесь.

Немного помолчал и завершил разговор:

После приёма загляните-ка ко мне на чашку чая, расскажете, как день прошёл, и меня, старика, послушаете.

За чашкой чая Ирина узнала, что Любовь Яковлевна, выпускница медицинского института сорок первого года, всю войну провела в прифронтовых госпиталях. Там они с Иваном Степановичем и встретились.

– Я ведь, Ирина Павловна, местный, – пододвигая тарелку с домашней выпечкой ближе к гостю, неторопливо вёл беседу старый врач. – Когда пришёл с фронта домой, здесь только полуразрушенный медпункт был, да и тот на замке. Сбил я старый замок, повесил новый, приступил к работе, но, чувствую, не справляюсь. Народу-то много: и местные, и эвакуированные, которым возвращаться некуда, и высланные из Прибалтики и с Украины «враги народа».

При этих словах горькая улыбка скривила губы Ивана Степановича, он тяжело вздохнул.

– А вокруг Радужного ещё четыре лесоучастка, там тоже люди живут. Народу много, да мало среди них здоровых, одному мне просто физически невозможно справиться. Разыскал Любу и Таню, Татьяну Марковну, нашего педиатра.

– И Татьяна Марковна тоже с вами на фронте была? – удивилась Ирина. – Вы тоже там познакомились?

– Нет, с ней мы ещё до войны друг друга знали, учились в одном институте, только на разных факультетах. Я с её сестрой Дашей дружил, к свадьбе дело шло, а тут – война. После войны разыскивал Дашу, а нашёл Таню. Даша погибла ещё в сорок втором, под Сталинградом.

Иван Степанович снял очки и долго протирали линзы.

– Простите, – прошептала Ирина.

Он кивнул головой, ничего, мол, и вернулся к прежней теме.

– Разыскал я их, значит, сюда сманил, и теперь мы уже втроём начали приём вести. Кого-то лечили амбулаторно, кого-то в район направляли. Тяжёлых сами везли на ГАЗике... правда, довести не всех успевали – до него от нас восемьдесят километров. Стационар позарез был нужен! Начали мы обивать высокие пороги. Ох, и долгая же канитель тянулась, но всё-таки добились строительства больницы в Радужном. А всё она, Люба... Ураганом в любой кабинет могла ворваться и пообещать сидящему в высоком кресле кое-что с корнем вырвать, если он нужную ей бумагу не подпишет. Уж поверьте мне, старику, так и было.

А Ирина ничуть и не сомневалась в том, что именно так всё и было.

Иван Степанович светло улыбнулся своим воспоминаниям и продолжил:

– Вот с пятьдесят восьмого года и стоит наша больница. Вы обратили внимание, сколько пристроек прилеплено к основному зданию? Это мы так расширялись. Теперь и стационар свой имеем, и специалистов. Их мы тоже по крупницам собирали и продолжаем это делать. Сейчас нам стоматолог позарез нужен, но кто поедет, если нет оборудования? Вот Люба и пошла опять по кабинетам, опять будет грозить чиновникам ущербом невозполнимым в случае, если упрямиться станут. Но дня через три, думаю, вернётся.

Он посмотрел на часы и виновато произнёс:

– Совсем заболтал вас, простите, – На Любу не обижайтесь, характер такой. А о вас она очень хорошо отзывалась, у этой девчонки, говорит, наша, лекарская, жилка есть! Поверьте, Ирина Павловна, это высшая похвала, считайте, что она вам пять с плюсом поставила.

– Ну, Иван, ставь магарыч! – войдя без стука в кабинет главврача и едва поздоровавшись, потребовала Любовь Яковлевна.

– Неужели тебе удалось пробить броню и у нас появилась надежда иметь стоматолога? – боясь поверить в это, спросил он.

– А как ты думал? Не такие крепости брали! – явно гордясь собой, ответила она и устало опустила на стул.

– Любонька, краса моя, да я тебе... да я для тебя...

– Чаю налей, – не дослушав его посулов, приказала Любовь Яковлевна. – Совсем, старый пень, разучился за женщинами ухаживать.

Услышав, что Любовь Яковлевна, оказывается, женщина, он остолбенел.

– Тебе что, сто раз про чай напоминать надо? – поинтересовалась Любовь Яковлевна.

– Сейчас, моя голубушка, сей минут, – пришёл в себя главврач и засуетился. – У меня и прянички есть, Тоня вчера стряпала. Тебе покрепче?

– А давай, как на фронте. Чифирнуть хочу и закурить.

– Ты с ума сошла? Тридцать лет ни чифирила, ни курила, а тут – на тебе! Разве так можно? – он удивлённо посмотрел на женщину, потом рассмеялся: – А, я понял, ты пошутила!

– Пошутила, Вань, конечно, пошутила. Наливай, как всегда. С молоком, – успокоила его фронтовая подруга и подумала: «Не знаешь ты, Ваня, что теперь мне всё можно». Она подошла к окну и задумчиво процитировала строчки из популярной песни.

Скоро осень, за окнами август,
От дождя потемнели кусты...

За окнами, действительно, был месяц август и шёл мелкий противный дождь.

Глава 4

На смену дождливому холодному августу пришёл на диво тёплый сентябрь. Установились погожие дни бабьего лета, когда ещё по-летнему тепло, но во всём чувствуется приближение осени. В зелёную листву деревьев то там, то тут уже начала вплетаться лёгкая позолота, побурела трава, всё чаще по утрам вместо росы всё покрывалось изморозью. Но всходило солнце, обогревало землю, и Ирине не хотелось думать, что скоро наступят холода, ей придётся носить в дом дрова, топить печку, ходить на обледеневший колодец за водой и расчищать от снега тропинку от крыльца и до калитки. Да и чего об этом думать, если дни стоят погожие и ещё по-летнему тепло?

Она вошла в здание больницы, поздоровалась с тремя женщинами, сидящими у дверей терапевтического кабинета, и открыла дверь – Любови Яковлевны, которая приходила раньше всех, в кабинете не было. Время приёма приближалось, оставалось всего пять минут. Надо у Ивана Степановича спросить, что ей предпринять: начать приём самостоятельно или дожидаться Любовь Яковлевну?

А Любовь Яковлевна в это время сама входила в кабинет главврача.

– Ваня, дай мне отпуск без содержания, – поздоровавшись, она прошла к столу и положила заявление.

Тот удивился:

– Так у тебя же два или три месяца назад был очередной? Почему не использовала? Тогда тебя могла и Фаина подменить. Она хоть и фельдшер, но иному врачу сто очков наперёд даст. А сейчас кто за тебя останется? Не дам, и не проси!

– Слушай, друг любезный! – всплыла женщина. – Я у тебя за все эти годы хоть что-нибудь просила?

– Нет.

– Так чего ты тут выкаблучиваешься? Или власть надо мной решил продемонстрировать?

– Это ты зря, – обиделся Иван Степанович, – я власть никогда и ни перед кем не демонстрировал. Но ты не ответила на главный вопрос: кто за тебя останется?

– Ирина и останется. Она девка с головой. Вот сегодня ещё проверю её на Катьке Вершковой, та уже в коридоре ошивается. Если не ошибётся наша молодуха, то за себя и оставлю. А ошибётся – выпру её к такой матери и заберу заявление.

– Ты бы, Любовь Яковлевна, помягче с ней, совсем девчонку зашугала, ты хоть свой кнут-то чередуй с пряником.

– Без тебя знаю, не дура! – отрезала Любовь Яковлевна. – Сегодня всё и решится: пройдёт испытание – начну давать ей и пряники... по кусочку.

– Испытание-то в чём заключается? – осторожно поинтересовался Иван Степанович. – Что за авантюру ты замыслила?

А, пустяк, – она беспечно махнула рукой. – Какая авантюра? Больным Ирина диагнозы уже почти безошибочно ставить может. А удастся ли ей отличить мнимого больного от настоящего? Катька-то чего к нам пожаловала? Она же здоровая кобылица, на ней пахать можно! Не так уж трудно догадаться, что за освобождением от сельхозработ припылила – сентябрь на дворе, студентов скоро в колхозы на картошку погонят. Вот эта девица и...

Стук в дверь прервал обвинительную речь Любови Яковлевны по делу недостойного поведения Катьки-кобылицы, позорящей честь советской студентки и комсомолки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.